

ФРАНЦУЗСКАЯ КРИТИКА 30-х ГОДОВ О БУНИНЕ-ХУДОЖНИКЕ

© 2006 С.А. Кривоцова

Орловский государственный университет

И. А. Бунин является одним из трех русских романистов (два другие – Куприн и Алданов), о которых написана книга французского критика Шарля Ледре “Trois romanciers russes: I. Bounine, A. Kouprine, M. Aldanov” – “Три русских романиста: И. Бунин, А. Куприн, М. Алданов”¹ [8, 170].

В книге “И. А. Бунин: pro et contra” содержится библиография, включающая в себя литературу о жизни и творчестве И. Бунина за 1892–1999 годы. Следует отметить, что книга Ш. Ледре в данном библиографическом указателе ошибочно помещена среди изданий за 1930 год [2, 868]. Действительно, единственный экземпляр этой книги на французском языке, хранящийся в Российской государственной библиотеке, не имеет нигде указания на год издания. Не указан ее год издания и в откликах во французской прессе, которые вызвало появление монографии Ш. Ледре. Однако, тщательно изучив данную монографию, можно сделать вывод, что книга Ш. Ледре вышла не ранее 1934 года. Обратимся к переводу, сделанному нами, и отметим несколько фраз, позволяющих подтвердить этот факт.

Итак, предисловие к своей книге автор начинает с небольшой цитаты, взятой из “Пиковой дамы” А. С. Пушкина: “*А разве есть русские романы?*” – дерзко спрашивает старая графиня Анна Федоровна у своего внука, который ей предлагает для чтения книги [7, 480]. Ледре обращает наше внимание на то, что эти строки были написаны в 1833 г. К этому времени Гоголь не опубликовал пока “Мертвые души”. Толстой “едва родился”. Итак, отмечает французский критик, лишь полвека спустя (в 1886 г.) Эжен-Мелькиор де Вогюэ (E.-M. de Vogue) сможет посвятить всю свою книгу восхвалению русского романа. «*А в прошлом году, – продолжает Ледре, – ровно через сто лет после появления “Пиковой дамы”, именно один из романистов, с которыми мы познакомимся далее, получил Нобелевскую премию по литературе. Какой острый апофеоз!*» – восклицает автор [5, 9].

Ш. Ледре придает большое значение творчеству Бунина. Он акцентирует внимание читателя на том, что произведения Ивана Алексеевича позволяют читателям глубоко проникать в его прошлое и открывать главные черты его характера. Такова “Жизнь Арсеньева”, “*прием глубокой изворотливой автобиографии, первый том которой появился вот уже 4 года тому назад*”, – отмечает автор [4, 22].

В своей монографии Ледре приводит список опубликованных произведений Бунина, указывая год издания. Среди них мы отмечаем “Жизнь Арсеньева” (1930).

Таким образом, вышеперечисленные факты подтверждают наличие ошибки в библиографических сведениях о книге французского автора.

Монография Шарля Ледре вызвала многочисленные отклики во французской прессе. Мы остановимся на двух больших статьях, опубликованных во французских газетах того времени. Первая из них появилась 6 февраля 1935 года в газете “Гавр-Молния” (“Hâvre-Éclair”) [6]. Известный французский журналист Ги де Луркад (Guy de Lourcade) в рубрике “Библиотека” опубликовал статью под названием “Три русских романиста”. В своей публикации Ги де Луркад дает нам некоторое представление о самом авторе книги, говоря, что Ш. Ледре вместе с ним несколько лет работал журналистом и читатели могут вспомнить его фамилию, стоящую внизу “*искрометных, содержательных и точных хроник*”. Называя автора книги “*настоящим писателем*”, Ги де Луркад дает ему следующую характеристику: “*Воспитанный, восприимчивый, любознательный, внимательный ко всему, что требовало усилий или отражало какую-либо идею, Ледре интересовался всеми формами интеллектуальной деятельности*” [6]. По словам Луркада, в жизни Шарля Ледре журналистика, “*в своей самой жесткой и менее утешительной форме, называемой секретариатом*”, была лишь промежуточным этапом. Луркад считает, что при создании книги

о русских писателях Ш. Ледре *“проявил себя целиком”*, написав ее *“в кратком стиле, который заставляет нас думать еще больше о том, чего он не написал”*. Говоря о мотивах, побудивших Ледре написать свою монографию, журналист отмечает: *“Чудовищная революция, которая в 1917 году резко и до основания видоизменила царскую Россию... поставила перед проницательностью молодого поколения загадочную толпу, отягощенную ужасом. Каков же был этот род людской, который дрожь безрассудства надломил до самого основания? Посредством какой медленной эволюции эти люди, остающиеся для нас столь таинственными, пришли к этому ужасающему контрасту хладнокровного насилия и пассивной покорности?”* [6].

По мнению Луркада, во Франции того времени не было *“более бдительного и более верного наблюдателя”* за происходящим в России, чем Шарль Ледре. Французский журналист упоминает, что ранее этот автор уже выпустил книгу о русских эмигрантах, *“одновременно проницательную и сострадательную”*. С точки зрения Луркада, критическое исследование о русских романистах другого характера. Здесь больше не идет речь о поверхностном наблюдении. Здесь идет речь о глубоком анализе, перед которым сам журналист чувствует себя немного смущенным и растерянным, выражая, по-видимому, чувства подавляющего большинства французов того времени: *“Столько идей бьют ключом в его словах, столько горизонтов открывается с каждой фразой, что непосвященный читатель определенно сознает свою неполноценность. Об интеллектуальной России, за исключением великих имен, принадлежащих общественному достоянию, я не знаю почти ничего”* [6]. Анализируя монографию Ледре, Ги де Луркад останавливается на самых ярких ее моментах. В заключении автор статьи выражает свое восхищение теми, кто предпочел *“изгнание цепям”*.

Вторая статья вышла 27 октября 1935 года в газете “Крест” (“La croix”) под названием “Жюль Легра: Русская душа. Шарль Ледре: Три русских романиста: Иван Бунин, Александр Куприн, Марк Алданов” [6]. В ней французский журналист Жан Гиро (Jean Guiraud) говорит о том, что по жизни и творчеству трех романистов-современников, которым Шарль Ледре посвятил *“проникновенную и захватывающую монографию”*, можно изучать русскую душу. Подробно останавливаясь на причинах, побудивших русских писателей покинуть родную страну, журналист пишет следующее: *“Эти три романиста покинули советскую Россию и приговорили себя к изгнанию, чтобы иметь возможность свободно писать; что и послужило господину Ледре поводом отве-*

тить в предисловии к книге тем, кто хвастается независимостью писателя при большевистском режиме”.

Анализируя исследование Ш. Ледре, Жан Гиро подробно останавливается на проблемах, поднимаемых автором в предисловии к книге.

Итак, в своей вводной статье Ледре довольно резко говорит о том, что определенное число *“праведников”*, живущих во Франции, рассказывают доверчивым читателям о безграничной московской свободе. *«Их послушать, — говорит автор, — писатель пользуется в СССР исключительным преимуществом: его перо позволяет ему участвовать в великом социалистическом строительстве, и, поскольку он думает, как сам народ (какое восхитительное единодушие! — иронизирует критик), он пишет в полной независимости. Напротив, “буржуазный” романист, философ, драматург или поэт — это более или менее удачливые наемные рабочие, которые, во всех странах мира, включая Францию, бесстыдно подчиняются их традициям, их предрассудкам, требованиям их класса, их правительству и их сторонникам»*.

Ледре видит среди сторонников такого подхода Андре Жида, говоря, что он попытался в последнее время *“модернизировать”* этот странный софизм. Французский критик приводит нам на этот счет точку зрения Жида: *“Писатель не должен поступать на службу Революции. Это было бы против здравого смысла. Пусть ему будет достаточно служить истине, ведь служба истине, именно Революции он и будет служить, так как Революция и истина — это одно и то же”* [5, 12].

Жан Гиро заостряет наше внимание на следующем размышлении Шарля Ледре: *«Нужно ли отметить, что, подвергаясь теории господина Жида, парадокс Интернационала и его заурядных толкователей не выиграл ни в силе, ни в значении. Какая насмешка, этот парадокс! Именно для него, как кажется, было так справедливо отмечено одним критиком: “Незначительное возводится в самое главное, а неправильное берется за правило”. Не стоит обосновывать в нашем разговоре, что наивысшая интеллектуальная свобода царит вот уже довольно давно в стране Философов, Золя, Анатоля Франса, Барбюса, Селина и Мальро. Но как не подчеркнуть скандальное притязание, выставляющее напоказ самую полную независимость при режиме, который делает прессу, театр и книгу инструментами пропаганды, упраздняя все политические партии и доводя произвол до того, чтобы не принимать никакого “отклонения” внутри коммунизма?»* [5, 13].

Тем не менее, Ледре не говорит о том, что советская литература ничего не дала миру. По его мнению, Пильняк, Всеволод Иванов, Бабель,

Илья Эренбург, Есенин, Шолохов, Алексей Голостой, Гладков, Катаев, Леонид Леонов – имена достаточно известные или многообещающие. Но здесь речь идет о том, чтобы знать, можно ли было в СССР писать то, что хочешь, передавать чувства, имеющиеся в сердце, идеи, о которых мечтаешь и, заботясь или нет о сторонниках, распространять стремления, которыми потрясен сам. Чтобы прояснить ситуацию, Ледре обращается к мнению известного французского историка Альберта Матьеца (Albert Mathiez), который говорил советскому историку Николаю Михайловичу Лукину (впоследствии репрессированному и реабилитированному уже посмертно) и его коллегам-историкам: *“В Сталинской России больше нет места для независимой науки, для науки свободной и беспристрастной, просто для науки, а история – лишь ветвь пропаганды”* [5, 13]. *«Бог знает многочисленных писателей, поэтов, философов, преподавателей и т. д., которых советская власть, вооруженная ГПУ, заключала в тюрьмы, ссылала, пытала, расстреливала, заставляла молчать под предлогом того, что, позволяя говорить своим душам, они “сорвут”, как вульгарные кулаки, социалистическую стройку. Странная же эта свобода! Достаточно ли ее, чтобы почувствовать себя свободным и с неистовством интересоваться колхозом, восторгаться гидроэлектростанцией, затевать роман-эпопею “Цемент”»*, – негодует критик [5, 14].

Жан Гиро полностью соглашается с Шарлем Ледре и подчеркивает, что во Франции любой гражданин, противопоставляющий европейской буржуазной цивилизации строительство социализма в СССР, имеет неограниченную свободу критиковать французское общество, французскую культуру и т. д., тогда как в СССР это было бы невозможно. В своей статье Жан Гиро одновременно воспроизводит нам взятую из монографии Ледре фразу знаменитого лингвиста Николая Яковлевича Марра, сказанную им однажды на митинге: *“Тот, кто не с Революцией, – против нее, как бы безупречен он ни был в своих собственных глазах”*.

В связи с этим Ледре напоминает читателю монолог Фигаро: *“Если только я не говорю в моих сочинениях ни о власти, ни о культе, ни о политике, ни о морали, ни о должностных лицах, ни о доверенном персонале, ни об опере, ни о других спектаклях, ни о ком, кто придает чему-то большое значение, я все могу напечатать свободно под надзором двух или трех цензоров”* [5, 14].

По мнению французского критика, независимость советского писателя не пошла дальше. Эту неопровержимую правду установил первый литературный конгресс, который состоялся в СССР в августе 1934 года. Ледре пишет:

«Сталин, который унифицировал писателей СССР, подчиняя их суровому уставу единственно легального союза, сказал как-то, что театр должен быть “социалистическим по своей сущности”. Это нам стоило некоторого количества одновременно тенденциозных и гротескных пьес и адаптаций, таких как “Дама с камелиями” Мейерхольда, где, чтобы лучше задеть наш старый “западный капитализм”, советский режиссер (впоследствии впаавший в немилость) не побоялся переделать, усложнить новые персонажи и круто изменить произведение Дюма-сына» [5, 15].

С точки зрения Ледре, советский писатель *“с внешне послушным пером замешкается, стараясь не задеть режим и его хозяев, на одном из этих вызывающих ужас описаний... которые лучше, чем какой-либо документ, нам показывают в истинном свете безмерное отчаяние и невыносимые муки большевистской России. ... Однако пусть он не злоупотребляет: Кремль – это до тошная тюрьма, где взвешивают малейшие слова, где проникают в малейшие замыслы”* [5, 16].

Глубоко анализируя исследование своего соотечественника, Жан Гиро подчеркивает, что вышеупомянутые факты способствуют пониманию того, что, по словам Ледре, *“Бунин, Алдановы, Куприны и многие другие предпочли жить в изгнании, чем восседать, увенчанные ложными коронами, в Пантеоне Интернационала”* [5, 16].

С точки зрения французского журналиста, самый исчерпывающий анализ в книге дан личности и творчеству Ивана Бунина. Жан Гиро пишет, что господин Ледре *“раскрыл моральный облик”* русского писателя не только на основе романа *“Жизнь Арсеньева”*, но и на основе описанной Буниным в повести *“Деревня”* жизни крестьян, среди которых он провел часть своей жизни, и на основе размышлений Ивана Алексеевича в рассказе *“Цикады”* (*“Ночь”*).

Прозаик и поэт, романист и автор новелл, Бунин, по словам видного французского критика, выкроил себе царское место в литературе своей страны, что никто из ныне живущих, как кажется, и не думает его оспаривать. Это место ничем не обязано ни интригам, ни снобизму, ни чьей-либо фантазии. Бунин живет далеко от мира, в благоухающем уголке Прованса, куда после мрачных революционных дней он приехал обрести душевный покой и право писать. Именно здесь, в конце 1933 года его *“застигла”* Нобелевская премия по литературе. Именно здесь, несмотря на суровое время, он продолжал без устали добавлять новые страницы в уже значительный сборник своих ярких творений.

Особый акцент Ледре делает на то, что русский писатель использовал многое из своей жиз-

ни в книгах, вышедших из-под его пера. Но надо иметь наметанный глаз, чтобы осознать это. По мнению французского критика, это проявляется лишь в некоторых способах описания, которые предпочитает автор, в некоторых выражениях, в которых его душа то угадывается, то утверждается.

С точки зрения Ш. Ледре, чтобы понять суть Бунина, следует обратиться к *“Жизни Арсеньева”* и *“извлечь образ писателя со страниц, где он описал своего двойника”*. Действительно, Бунин позаботился о том, чтобы разъяснить нам и свое происхождение, и свои стремления, и свою жизнь. Он сделал это в короткой заметке, которая появилась в предисловии к французскому переводу *“Господина из Сан-Франциско”* [3, 6, 543].

Вышедший из *“старого дворянского рода, давшего России немало видных деятелей, как на поприще государственном, так и в области искусства”*, который, к тому же, был на протяжении веков всегда связан с землей, И. Бунин родился в Воронеже, в самом центре России, в стране Тургенева и Толстого. Его детство и юность почти прошли в имении отца. И, несомненно, именно там он непосредственно испытывал всякого рода ощущения, которые так тонко проанализировал в *“Жизни Арсеньева”*. А не является ли Бунин последним из этих писателей-дворян, из этих земельных собственников, которые на протяжении второй половины XIX века пополняли русскую литературу столь интересными и знаменитыми новобранцами? — задается вопросом французский критик [5, 23].

“Деревенского воспитания, но имеющий страстную восприимчивость”, будущий автор *“Деревни”* стал совсем юным сочинять стихи и совсем юным начал печататься и получать высокие награды. Однако, как признается он сам, широкая известность пришла к нему достаточно поздно. В своих произведениях он не касался политики, поэтому он не мог интересоваться всех тех, для кого в дни социальных волнений вставал лишь один вопрос: К какой политической партии принадлежит писатель? За народ ли он? За самодержавие ли? Впрочем, Бунин не принадлежал ни к одной литературной школе. *“Ни декадент, ни символист, ни романтик, ни реалист”*, он не выступал ни под каким флагом, *“не надевал никакую маску”*. К тому же в это время молодой человек думал больше о тяжелой крестьянской жизни, чем о завоевании бесчисленных читателей. Кроме того, отмечает критик, Бунин много путешествовал. Он будет путешествовать вплоть до 1914 года. Он очень увлекался живописью. Италия, Сицилия, Турция, Греция, Египет, Алжир, Палестина пред-

лагали, ему на зависть, *“постоянно обновляющуюся палитру своих чарующих цветов”* — эти яркие и точные цвета наложат отпечаток на большую часть его творчества, всегда столь скрупулезного, отличающегося подлинным великолепием. Особое внимание обращает Ледре на следующую фразу Бунина: *“Я, как сказал Саади, стремился обозреть лицо мира и оставить в нем чекан души своей”*.

“Деревня”, которая появилась в 1909 году, не стоила ее автору лишь аплодисментов. Неважно! — восклицает Ледре, — Бунин теперь знаменит. Как бы его ни хвалили, как бы его ни осуждали, его знал каждый. Отныне все, что он писал, вызывало самый оживленный интерес. Почетный член Академии наук, этот страстный поклонник земли, прозорливый знаток своей родины, с радостью остался бы в своей стране, где продолжил бы изображать *“без прикрас”* тонкости русской души, если бы...

Но, может быть, предполагает автор, так и должно было случиться, так надо было, чтобы Бунин был вынужден не только побывать в других странах, но и пожить среди других для того, чтобы лучше оценить глубину достоинств и недостатков своего народа. *«“Мне кажется, что я у себя дома”*, — писал из Парижа один из самых великих русских писателей», — говорит о Бунине Шарль Ледре.

Г. Н. Кузнецова, вспоминая о жизни Ивана Алексеевича, писала: *“Бунин всю свою жизнь жил жизнью не оседлой, а скитальческой. В России у него не было своего дома, он гостил то у родных в деревне, то жил в Москве — и всегда в гостинице, — то уезжал в странствия по всему миру. Поселившись окончательно во Франции, Бунин там продолжал жить по-прежнему, часть года в Париже, часть на юге, в Провансе, который любил горячей любовью. В городе позволял он себе жить весьма рассеянной жизнью... но стоило ему приехать в деревню, как все менялось. В простом, медленно разрушающемся провансальском доме на горе над Грассом, бедно обставленном, с трещинами в шероховатых желтых стенах, но с дивным видом с узкой площадки, похожей на палубу океанского парохода, откуда видна была вся окрестность на много километров вокруг, с цепью Эстереля и морем на горизонте, он вскоре по приезде начинал готовиться к работе”* [1, 263].

Воспоминания Г. Кузнецовой подтверждаются словами Шарля Ледре: *«На террасе своей виллы “Бельведер” Бунин, которого я навещал в краю цветов, мне показывал широким жестом огромную кавалькаду гор и равнин, которые скакали вокруг нас, доходя до самого моря, сверкающего и загадочного»*.

Короткие волосы, суровое лицо, глаза, устремленные вдаль; он носил белый, с голубой полоской, костюм, который подчеркивал мужскую молодость его выбритого лица.

Над нами вечерний благоухающий бриз шевелил ветви пальмы, которую последняя зима жестоко повредила. И Бунин, неся ночную вахту, казался мне одним из этих храбрых капитанов, меткий глаз и послушные нервы которых ведут в разбушевавшееся море свой корабль, полный славы...» [5, 79].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабореко А. К. Бунин: Жизнеописание / А. К. Бабореко. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 398 с.
2. И. А. Бунин: pro et contra / Сост. Б. В. Авенина и [др.] – СПб.: РХСИ, 2001. – 710 с.

3. И. А. Бунин. Собр. соч.: в 6 т. / Редкол.: Ю. Бондарев и [др.]. – М.: Худ. лит., 1988.

4. Jean Guiraud. Jules Ledras: l'Âme russe. Charles Ledré: Trois romanciers russes: Ivan Bounine, Alexandre Kouprine, Marc Aldanov // La croix, 27 octobre 1935. – ИМЛИ, ф.4, оп.3, ед. хр. 4.

5. Charles Ledré. Trois romanciers russes: I. Bounine, A. Kouprine, M. Aldanov. Nouvelles éditions latines. Paris.

6. Guy de Lourcade. Trois romanciers russes // "Havre-Éclair", 6 février 1935. – ИМЛИ, ф.4, оп.3, ед. хр.20.

7. А. С. Пушкин. Избранные сочинения / Редкол.: Г. Беленький, П. Николаев. – М.: Худ. лит., 1990.

8. Струве Г. Русская литература в изгнании / Г. Струве. – УМСА-Press. Париж-М., 1996. – 419 с.

Рецензент – Т. А. Никонова.